

чезновение". Когда мы репетировали, в театре говорили: "Что это такое? Зачем нужен этот спектакль? Что Иванов визжит как резанный поросенок?", — а он за всем, что я делал, увидел смысл. В Барухе Найлебене, в этом человеке, изуродованном войной, мы выискали то страшное, что существовало в нем, наряду с прекрасным.

Валерий Николаевич — блистательный, талантливый человек. Он не выглядит на свои шестьдесят лет, у него и седины-то почти нет. У него потрясающие мозги, грандиозный диапазон понимания этого мира, человека, и удивительная способность про это говорить так определенно, что после хочется играть, проверять это.

Олег Дмитриев

"Разминка" — это слишком камерное слово по отношению к тому симфонизму, которому посвящены краткие репетиции Валерия Николаевича перед спектаклями. Всякий раз, когда он задает простое упражнение, к примеру — "вспуст" или "взбрас", Валерий Николаевич знает точно, на что нас настраивает. Одно дело "Пьеса без названия", другое — "Чевенгур", третья история — "Бесы". Он слышит спектакль, как оркестр, состоящий из артистов, каждый из которых должен прозвучать в ансамбле.

Валерий Николаевич смотрит колоссальное количество спектаклей МДТ — по десять, двадцать, тридцать представлений каждого из названий репертуара — и при этом всякий раз, приходя на очередную разминку перед следующим спектаклем, предлагает новое качество звучания ансамбля. Он выступает как дирижер, как маэстро, как настройщик.

И может быть, самое важное... Все, что требуется от нас, Валерий Николаевич способен лично продемонстрировать каждому. В разминке всегда слышно, чего мне не хватает, в чем разница между тем, как должно быть, и между тем, что извлекаю из себя я. Но, кроме того, что Валерий Николаевич блестяще исполняет упражнения сам, он может показать, как должно быть, когда играть будем мы.

В молчании артисты тоже содержательны, но по-настоящему заразительны, властны, интересны мы все-таки в речи. И Валерий Николаевич мастер этого дела. Маэстро.

Наталья Фоменко

С Валерием Николаевичем в студенческие годы у меня связаны самые светлые воспоминания. Когда мы встретились, он сразу сказал, что мой сибирский говор — один из самых тяжелых. На что я возразила: "Валерий Николаевич, мне кажется, что сибирского говора не существует, в Сибири говорят, как пишется. Вот если я говорю, значит, я и буду говорить". Я не знала, что гласные редуцируются, тогда мне трудно было это уловить. Валерий Николаевич мне очень многим помог — научил организовывать собственную речь.

После института мы оказались в Томске, и Валерий Николаевич — единственный из педагогов, кто прилетел к нам. Он для нас самый близкий человек, друг. К нему всегда можно прийти поплакаться, поговорить. Его природная мудрость (несмотря на то, что он не намного старше нас) всегда нам нужна.

Он помогал нам во многих спектаклях. Например, когда выпускали "Исчезновение", у меня произошел актерский стопор. На репетициях, мне казалось, все получалось. Но потом я не могла сделать даже того, что раньше делала хорошо. Валерий Николаевич доброжелательно помог мне преодолеть себя. Артисты ведь хрупкие субстанции, и когда им говорят, что ужасно, они в большинстве случаев, начинают нервничать и огрызаться. В этом отношении Валерий Николаевич деликатный человек. Я благодарна ему за то, что он дал мне возможность верить в себя.

Даже если возникает вопрос, не относящийся к нашему театру, — ему всегда можно позвонить, спросить — "Валерий Николаевич, ответьте, пожалуйста, как правильно нужно сказать?" И получишь точный ответ, не надо в словарь Даля заглядывать.

С Валерием Николаевичем у нас крепкая связь. Даже когда нет репетиций, перед каждым спектаклем идут

разминки, и получается, что мы все время вместе.

Владимир Селезнев

На первом уроке по сценической речи Валерий Николаевич просил сказать фразу "на столе стоит стакан с молоком", чтобы понять, у кого какой говор, речевые проблемы, а потом очень смешно и точно показывал недостатки каждого. Тогда я до колик смеялся и думал: "Боже, какой веселый человек. Как с ним легко и интересно. Почему его так боятся?" Придя домой, я был очень воодушевлен и рассказал о своем впечатлении сестре, Ирине Селезневой, и ее мужу, Максиму Леонидову, которые тоже были учениками Галендеева. Они тогда смолчали.

Через некоторое время я столкнулся с тем, что Валерий Николаевич может быть страшен в гневе. Нам было дано задание выбрать одно из стихотворений Пушкина и подготовить его. И когда на следующем занятии Валерий Николаевич попросил показать заявки, никто не вышел. Мы услышали яростный монолог в свой адрес, в конце которого он произнес: "Имя Пушкина на моих занятиях, на этом курсе, больше упоминаться не будет". И он сдержал свое слово. В этом смысле он человек непримиримый.

С ним всегда интересно, но очень редко легко. Когда мы занимались "Одиссеей" Гомера, у меня был отрывок, начинающийся со слов "так он сказал". В течение месяца я приходил на индивидуальные занятия, открывал рот и... когда-то мне удавалось сказать — "так он сказал", когда-то только "так он...", и дальше этого не двигалось. Дошло до того, что я просто делал вдох, и Валерий Николаевич прерывал: "Нет, Володя, вы уже дышите бессмысленно".

Когда на втором курсе, выполняя упражнение, на его вопрос: "Володя, что вы делаете?", я ответил: "Так ведь мы вчера так делали". Он закричал: "Не бывает вчера, забудьте, что было вчера. Есть только сегодня". С ним всегда сегодня, всегда заново. Я завидую его нынешним студентам, потому что он идет с этими ребятами гораздо дальше, чем с нами. Их тренинги в чем-то интереснее, сложнее, чем наши. Один из его принципов — индивидуальный подход к студенту. Валерий Николаевич всегда точно видит, что в данный момент нужно студенту, чтобы понять, преодолеть, научиться. Но чего он категорически не переносит — лень, инертность, робость, пошлость, необразованность. Если ученик ничего не делает, чтобы это преодолеть, он может его уничтожить.

Что меня еще поражает в Валерии Николаевиче — зная ответ на какой-то вопрос, он не произнесет его до тех пор пока сами ученики не додумаются сами. Он будет задавать наводящие вопросы, ругать, намекать, но никогда не скажет ответ. На это может уйти урок, неделя, месяц... Это замечательное качество. Учитель знает ответ, важно, чтобы ученик дошел до этого сам. И главное, чтобы он этим мог потом пользоваться, доходить до всего своей головой.

Я помню свою первую поездку за границу, это была Венгрия, Будапешт. Мы все вместе пошли в музей. Очень быстро я стал скучать. Вдруг Валерий Николаевич, указывая на портрет молодого человека, говорит мне: "Вот смотри" — и называет персонажа из отрывков, которыми мы занимались. Если бы он ни обратил мое внимание, я бы так и прошел мимо. А я вдруг стал вглядываться в черты этого человека. И у меня зареяло воображение. Тоже маленький урок.

С Валерием Николаевичем нельзя просто болтать, говорить ни о чем. Люди, которые с ним беседуют, стараются говорить более отчетливо, внятно, осмысленно. Начинают следить за собой.

Однажды сестра сказала мне: "Ты знаешь, я столько лет уже не этой стране, не в этом театре. Но каждый раз, когда я что-то делаю, я думаю о том, а как бы к этому отнесся, что бы сказал Валерий Николаевич".

Записала Ольга ГРОШЕВА